

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-26538>

Research article

Typology of pragmatic implications from the point of view of interaction between pragmatics and semantics

Aleksander KIKLEWICZ

*University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland;
University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland*

Abstract

The subject matter of the study is communicative implications as one of the forms of implementation of speech acts. The starting point is the well-known theory of H. P. Grice, in which pragmatic implications are based on the principle of cooperation. The author shows the limitations of Grice's theory, which presents the communicative conditions of implications, but does not present the communicative consequences. As an alternative, the author proposes the concept of pragmatic implications, taking into account the premises and consequences of indirect speech acts. Considering implication as a two-place relation between antecedent and consequent, the author identifies three types of implications that differ in the type of information in the antecedent and consequent parts: 1) semantic antecedent > pragmatic consequent; 2) pragmatic antecedent > pragmatic consequent; 3) pragmatic antecedent > semantic consequent. This approach makes it possible to present indirect communication to the fullest extent, and also to explain many communicative phenomena in terms of the interaction between semantics and pragmatics. Implications are interpreted as the result of mental processing of conditionally categorical syllogisms, in which the first premise is an element of the cultural worldview. Thus, the author shows the relative nature of the opposition of conventional and communicative implications. The article uses the material of the modern Russian language, borrowed from various sources: journalism, fiction, the Internet, urban folklore and colloquial speech. The leading research method was pragmatic, namely, illocutionary, analysis with elements of discourse content analysis.

Keywords: *pragmalinguistics, H. P. Grice's theory, communicative implicature, syncretic speech act, typology of pragmatic implications*

For citation:

Kiklewicz, Aleksander. Typology of pragmatic implications from the point of view of interaction between pragmatics and semantics. *Russian Journal of Linguistics*. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-26538>

Типология прагматических импликаций с точки зрения взаимодействия между прагматикой и семантикой

А.К. Киклевич

*Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша;
Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, Польша*

Аннотация

Статья посвящена исследованию коммуникативных импликаций как одной из форм передачи информации в речевых актах. Исходным пунктом является широко известная теория Г. П. Грайса, в которой прагматические импликации опираются на принцип кооперации. Автор показывает ограничения теории Грайса, а именно – отсутствие интерпретации импликаций с точки зрения иллокутивной функции сообщения. В качестве альтернативы автор предлагает концепцию прагматических импликаций с учетом предпосылок и следствий косвенных речевых актов. Рассматривая импликацию как двухместное отношение антецедента и консеквента, автор выделяет три типа импликаций, которые различаются типом информации, представленной в антецедентной и консеквентной частях: 1) семантический антецедент > прагматический консеквент; 2) прагматический антецедент > прагматический консеквент; 3) прагматический антецедент > семантический консеквент. Такой подход дает возможность представить непрямую коммуникацию в наиболее полном объеме, а также объяснить многие коммуникативные явления с точки зрения взаимодействия между семантикой и прагматикой. Импликации интерпретируются как результат ментальной переработки условно-категорических силлогизмов, в которых первая посылка представляет собой элемент культурной картины мира. Тем самым автор показывает относительный характер противопоставления конвенциональных и коммуникативных импликаций. В статье используется материал современного русского языка из разных источников: журналистики, художественной литературы, интернета, городского фольклора, разговорной речи. В качестве ведущего метода выступал прагматический, а именно иллокутивный анализ с использованием элементов дискурсного контент-анализа.

Ключевые слова: прагмалингвистика, теория Г. П. Грайса, коммуникативная импликатура, синкретический речевой акт, типология прагматических импликаций

Для цитирования:

Киклевич А.К. Типология прагматических импликаций с точки зрения взаимодействия между прагматикой и семантикой. *Russian Journal of Linguistics*. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-26538>

1. Введение

Одна из форм репрезентации смысла имеет операциональный характер, т.е. состоит в том, что информация выводится из содержания знаков (а не передается с помощью специальных, закрепленных языковых форм). В лингвистике это явление хорошо изучено в области семантики. Так, В. М. Никитин (1988: 61 и др.) пишет об импликационале слова, т.е. тех семантических признаках, которые непосредственно не относятся к лексическому значению,

а актуализируются благодаря наличию в когнитивной системе носителей языка устойчивых связей между разными концептами¹. Импликационал слова более или менее соответствует таким понятиям, как коннотация или лексический фон слова (Верещагин, Костомаров 1980: 25 и др.). Наличие импликаций, с одной стороны, позволяет передавать информацию в более экономном режиме, с другой стороны, представляет собой характерный признак некоторых речевых стилей (например, аллюзивного стиля).

В статье 1975 г. (Grice 1975) Г. П. Грайс ввел понятие коммуникативной имплицатуры², которая, по его определению, отличается от конвенциональной (т.е. семантической) тем, что в ее основе лежит нарушение тех или иных правил речевого поведения, связанных с принципом кооперации (Грайс 1985: 226)³. Концепция Грайса вызвала большой интерес среди лингвистов и дала импульс к многочисленным исследованиям (Davis 1998, Carston 2002, Levinson 2000, Verbuk & Schultz 2010, Benz, Jasinksjaya & Salfner 2013, Carretero & Zamorano-Mansilla 2015, Pederesen 2016, Vallejo 2017, Holgraves & Kraus 2018, George & Mamidi 2020 и др.). Прагматические импликации рассматриваются также в связи с явлением непрямой коммуникации и косвенными речевыми актами (Дементьев 2006: 48).

Теория Грайса считается частью общей теории языковой прагматики (Coste, North, Sheils et al. 2001: 110), а И. Курч (Kurcz 2000: 156) пишет, что для лингвопрагматических исследований эта концепция имеет фундаментальный характер. Теорию Грайса относят к аналитической (неопозитивистской) парадигме – в силу этого, как пишет Л. А. Демина (2009: 110), она стремится «установить такие структуры и правила их преобразования, которые позволили бы, исходя из интерпретации составных частей речевого общения, получить интерпретацию целого». В то же время в статье (Kiklewicz 2011) было показано, что соотносимые с принципом кооперации категории и постулаты не имеют прямого отношения ни к речевым действиям, ни к коммуникативным интеракциям. Количество, качество, релевантность и способ (как категории речевого поведения) представлены Грайсом в форме директив («Не говори того, что ты считаешь ложным», «Будь организован», «Не отклоняйся от темы» и др.), однако в действительности они касаются (прежде всего) плана содержания и (в меньшей степени) плана выражения сообщений⁴. Так, постулат категории качества «Не говори того, что ты считаешь ложным»

¹ Обзор семантических исследований в области импликации см. в работе: Антошина 2019.

² В соответствии с терминологией Грайса *имплицатура* – это предпосылка (ре)интерпретации, то, чем нечто имплицуется, тогда как *имплицат* – это его (ре)интерпретация, то, что имплицуется. Термин *импликация* я буду употреблять как более общий, соответствующий понятию умозаключения, т.е. отношению следования между имплицатурой и имплицатом.

³ Здесь и далее я буду ссылаться на русский перевод статьи Грайса.

⁴ Д. Шумска (Sumska 2012: 363) пишет, что Грайс трактует коммуникативную имплицатуру как «имплицативное суждение, которое причисляется к категории логических операций и подвергается [...] условиям истинности».

отражает эпистемический аспект высказывания – категория правды традиционно считается предметом логики и экстенциональной семантики (Dębowski 2010: 35). Постулаты категории количества имеют отношение к семантической спецификации сообщения и неслучайно рассматриваются при изучении скалярных импликатур как одна из проблем семантического описания языка (Horn 1972: 112, Levinson 1985: 133, Gazdar 1979: 58). Категория релевантности касается семантической связности в структуре диалога, а категория способа – формальной структуры сообщений. Неслучайно В. В. Дементьев (2006: 199) рассматривает теорию импликатур Грайса в рамках направления, которое, по его определению, изучает общие проблемы «имплицитно передаваемых смыслов».

Прагматика, как она понимается в современной науке, реализуется в речевых действиях, при этом прагматическое описание речевых действий⁵ осуществляется не с точки зрения внутренней (языковой) структуры сообщений, а с точки зрения структуры транзактивной ситуации, прежде всего – намерений речевых субъектов, предпосылок и следствий речевых действий. Именно такое понимание прагматики и принципов/правил речевого поведения мы находим в публикациях: Lakoff 1973, Schwitalla 1979, Leech 1983. Для примера приведу несколько так понимаемых коммуникативных правил:

- Коммуникативные партнеры уделяют внимание друг другу.
- Только один из партнеров (в данный момент) является говорящим.
- Роль говорящего переходит от одного партнера к другому.
- Коммуникативные партнеры должны быть взаимно вежливыми.
- Следует избегать действий, которые могут вызвать у коммуникативного партнера неприятия ощущения.
- В разговоре следует соблюдать равенство, а также учитывать интересы другой стороны.

Как видим, в отличие от постулатов Грайса, приведенные коммуникативные правила непосредственно касаются структуры конверсации и характера взаимодействия партнеров.

Если согласиться, что коммуникативные постулаты Грайса «не совсем прагматичны», тем самым под сомнение ставится и статус описанных им коммуникативных импликатур. Это означает необходимость пересмотра концепции непрямой коммуникации, особенно с учетом факта, что импликация представляет собой операцию логического вывода, элементы которой (то, что выводится – консеквент, и то, из чего выводится – антецедент) имеют семантический или прагматический характер. Данная теоретическая установка позволяет осуществить исчисление типов коммуникативной импликации, которые будут описаны в отдельных разделах.

⁵ Не каждое описание речевых действий является прагматическим.

2. Коммуникативные импликатуры в концепции Г. П. Грайса

Хотя импликация представляет собой отношение, в котором участвуют два члена: антецедент (импликатура) и консеквент (импликат), Грайс сосредоточил свое внимание на первом из них. Коммуникативная импликатура, как пишет Грайс (1985: 226), появляется в условиях, когда говорящий нарушает хотя бы один из постулатов речевого общения, при этом он способен следовать одному постулату без нарушения другого постулата и не дает никаких оснований, чтобы считать, что он уклоняется от соблюдения принципа кооперации. Грайс пишет, что коммуникативные импликатуры связаны не только с внутренними ресурсами речевой коммуникации – значениями употребляемых слов, но также с внешними факторами, среди которых упоминает коммуникативный контекст, фоновые знания речевых партнеров, межличностные отношения и др.

Вместе с тем факт, что те или иные реинтерпретации (говорящий произносит p , имея в виду q) осуществляются в определенном коммуникативном контексте (при соблюдении принципа кооперации), не означает, что объектом реинтерпретации является речевое действие, а именно – характер его иллокутивной функции. Проанализируем данную Грайсом дефиницию коммуникативной импликатуры:

Он сказал, что p ; нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; он не мог сказать p , если бы он не считал, что q ; (он знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что q ; он хочет, чтобы я думал, [...] что q ; итак, он имплицировал, что q (Грайс 1985: 227–228).

Как видим, Грайс понимает импликацию как вид семантической реинтерпретации языковых выражений: говорящий сообщает p , имея в виду q ⁶. Семантическую сущность так понимаемой импликатуры можно показать следующим образом:

x говорит, что p ;
 p не соответствует действительности, тем самым x нарушает требование категории качества;
 x не дает оснований считать, что действует вопреки принципу кооперации; поэтому нет оснований считать, что x говорит нечто, что не соответствует действительности;
значит, x говорит правду, когда говорит, что p , но имеет в виду q ;
 x предполагает, что адресат способен понять, что x имеет в виду q .

Совершенно очевидно, что исходным пунктом импликации (антецедентом) является здесь некоторое семантическое содержание (p), а точнее – тот факт, что это содержание не соответствует действительности. Единственным

⁶ Подобное толкование коммуникативной импликации мы находим в работе: Гордон, Лакофф 1985: 277.

внешним (коммуникативным) фактором семантической интерпретации p в качестве q является ссылка на принцип кооперации.

Коммуникативные импликатуры, как их понимает Грайс, отличаются от конвенциональных (семантических) не характером антецедента (предметной областью импликации, которая в обоих случаях одна и та же: заключенная в сообщении семантическая информация), а ее фактором. Покажу это на примере:

(1) *Мой ребенок сам ест ложкой в десять месяцев.*

Данное высказывание содержит семантический имплицат:

(2) *> Мой ребенок способный, он очень быстро развивается.*

Такая интерпретация высказывания опирается на общие знания коммуникативных партнеров, в частности, в области детской психологии. Если же высказывание (1) произносится в диалоге с участием матери ребенка и специалиста, который ранее давал рекомендации по так называемому самоприкорму, оно (в соответствии с логикой диалога и принципом кооперации) может (дополнительно к основной информации) означать, например, адресованное врачу выражение благодарности.

Предложение

(3) *Кран надо закручивать до тех пор, пока вода не перестанет течь⁷.*

в зависимости от контекста может содержать разные импликации: если известно, что кран работает плохо, это предложение означает просьбу закручивать кран посильней, а если кран работает исправно, реплика может дополнительно восприниматься как совет или рекомендацию: не следует закручивать кран слишком сильно, чтобы не повредить его.

Коммуникативные импликатуры у Грайса означают именно контекстно обусловленные семантические реинтерпретации, а не – как можно было бы ожидать – речевые действия с дополнительной прагматической функцией (см. подробнее раздел 4). Одно дело – когда, имплицат q выводится из p как семантической информации, ср. диалог:

(4) *X (произносит): – Маша еще не приехала? (p)*
Y (думает): «X знает, что Маша должна приехать» (q)

Другое дело – когда имплицат q обусловлен фактом, что p представляет собой иллюкативную категорию, ср.:

(5) *X (произносит): – Маша еще не приехала? (p)*
Y (думает): «Если спрашивает, значит, еще не знает» (q) или
Y (думает): «Если спрашивает, значит, переживает» (q)

⁷ Пример из работы: Киклевич 1999: 157.

В обоих случаях, как видим, имеются те же коммуникативные условия и одна и та же коммуникативная единица (т.е. речевое сообщение), однако импликации относятся к разным предметным областям: в одном случае это семантическая информация (содержание вопроса), в другом случае – прагматическая информация (сам факт вопроса). Ссылка на принцип кооперации не позволяет разграничить эти явления. Покажу это на примере из статьи Грайса (1985: 219):

- (6) *А и В разговаривают о своем общем приятеле В, работающем в банке. А спрашивает, как у В дела на работе, и В отвечает:*
– Думаю, более или менее в порядке. Ему нравятся сослуживцы, и он еще не попал в тюрьму.

Грайс комментирует этот пример так: *В* (в той части сообщения, где говорится о тюрьме) нарушил постулат релевантности, но, поскольку нет оснований считать, что он уклоняется от кооперации, следует предположить, что он имел в виду нечто иное (иной смысл): *В* является потенциально бесчестным человеком.

Данный имплицит, однако, не вытекает из коммуникативной формы поведения *В* (репрезентативного речевого акта) – он основан на заключенной в сообщении семантической информации. Грайс сам приводит такого рода семантические основания для реинтерпретации: работа в банке создает искушения, сослуживцы могут быть вероломными людьми, *В* способен поддаваться искушениям. В принципе, здесь мы имеем дело с семантическим выводом, в основе которого лежит условно-категорический силлогизм:

Если работник банка бесчестен, он способен поддаваться искушениям и может попасть в тюрьму.

В работает в банке и еще не попал в тюрьму (но может попасть в тюрьму).

Следовательно, *В* – бесчестный человек.

Как видим, реплика *В* представляет собой вторую посылку силлогизма, тогда как его заключение – это то, что говорящий намеренно имплицитно утверждает. Можно полагать, что говорящий уверен в том, что его намерение будет правильно понято собеседником, а эта уверенность опирается на структуру условно-категорического силлогизма, в частности, на первую посылку, которая представляет собой известную собеседникам информацию семантического (а не прагматического) характера. Тем самым можно констатировать, что, вопреки мнению Грайса, здесь мы имеем дело с типичной семантической (т.е. конвенциональной) импликацией.

Коммуникативные имплициты у Грайса соответствуют отдельным категориям кооперации. Так, в случае нарушения первого постулата категории количества («Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется») мы имеем дело с дефицитом информации. Грайс (1985: 229) приводит пример слишком лапидарного рекомендательного письма,

форма которого дает понять адресату нечто, что не выражено в тексте. Грайс пишет достаточно неопределенно: «Отсюда следует, что *A* (автор рекомендательного письма. – А. К.) хочет передать сведения, которые он не желает сообщать прямо» (там же). Скорее всего, эти сведения имеют прагматический характер: автор тем самым осуществляет оценочный речевой акт – дает понять, что его подопечный не является наилучшим кандидатом. Как видим, здесь мы имеем дело с синкретическим речевым актом: в одном и том же речевом сообщении воплощена рекомендация и общая оценка.

Нарушение второго постулата категории количества («Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется») Грайс иллюстрирует ситуацией чрезмерной говорливости. По его мнению, такая ситуация дает основание для двух выводов: либо говорящий не уверен в истинности сообщения, либо сообщает в неявной форме, что истинность сообщения проблематична. В первом случае мы имеем дело с симптоматическим речевым актом, т.е. таким, содержание которого дает возможность распознать ментальное состояние говорящего независимо от его воли (подробнее об этом см. раздел 5). Во втором случае дополнительно реализуется модально-оценочный акт как один из элементов синкретического речевого акта. Впрочем, если иметь в виду, что рассматриваемый Грайсом случай представляет собой ответ на вопрос, верно ли *p*, чрезмерную говорливость можно объяснить и иначе. Рассмотрим это на примере из интернет-форума⁸:

(7)– *Можно ли грунтовать краску?*

– *Отвечаю – можно и нужно! Я всегда грунтую краску, когда ее качество вызывает сомнения. В общем случае, если взять грунтовку и краску на одной основе, с одинаковым удельным содержанием этой самой основы, то адгезия у грунтовки будет лучше, чем у краски. Поэтому грунтовка на поверхности краски будет держаться прочнее, чем краска.*

Как видим, отвечающий не ограничивается прямым ответом на вопрос. Он проявляет определенную говорливость, у которой есть, однако, основание: тем самым говорящий приводит аргументы в пользу своего утверждения, а может быть, и дает совет (как нанести грунт на краску). Таким образом, в одном речевом сообщении реализованы три акта.

Другой характер имеют следствия, вызванные нарушением постулатов категории качества. Грайс относит к этой области несколько явлений: иронию, метафору, гиперболу и литоту. Все они относятся к области семантических операций, другими словами – семантической реинтерпретации сообщения. Рассмотрим это на примере метафоры.

Во-первых, как уже было сказано (см. Введение), постулаты «Не говори того, что ты считаешь ложным» и «Не говори того, для чего у тебя нет

⁸ <https://mastergrad.com/forums/t252207-gruntovka-uzhe-okrashennogo-vdoemulsionkoy-potolka/?order=desc>

достаточных оснований» имеют семантический, а не прагматический характер – они касаются эпистемического статуса сообщений. Тот факт, что метафорическое выражение, например:

(8) *Иванов летит на собрание.*

по своей природе является контрфактическим⁹, не относится к области прагматики. Метафорическое высказывание (8) в такой же степени реализует намерение говорящего осуществить репрезентативный речевой акт, как и неметафорическое высказывание:

(9) *Иванов спешит на собрание.*

Во-вторых, можно сомневаться в том, сообщает ли говорящий нечто, для чего у него нет оснований. В принципе, некоторое основание есть: Иванов так быстро бежит на собрание, что как бы летит – оба действия характеризуются высокой скоростью. Если представить себе полный вариант высказывания:

(10) *Иванов спешит на собрание; он бежит так быстро, что кажется, будто он летит.*

то его краткая форма отличается от полной только количеством информации. Тем самым метафора отчасти является следствием нарушения первого постулата категории количества, а в связи с этим можно вспомнить известное утверждение Квинтилиана, что метафора – это более краткое сравнение.

В-третьих, принцип кооперации не исчерпывает сути явлений, которые сопутствуют нарушению постулатов категории качества (если согласиться с Грайсом, что в основе метафоры, иронии, гиперболы и т.д. лежит именно эта причина). Главное же – принцип кооперации не объясняет целесообразности этого процесса. Если говорящий сотрудничает с адресатом, нельзя понять, почему или зачем он, имея в виду *q*, произносит *p*. Ссылка на метафору, иронию или гиперболу ничего не объясняет, так как семантическая (метафорическая, гиперболическая и т.д.) модификация не является конечной прагматической целью речевого акта – она служит для реализации дополнительных целей или вытекает из обстоятельств речевой деятельности. Принцип кооперации как раз и заключается в том, что коммуникативные партнеры понимают эти цели и эти обстоятельства, а тот, факт, что они имеют дело, например, с метафорическим выражением, часто вообще не осознается.

Обстоятельства употребления метафорических выражений могут быть разными, что можно показать на следующем примере:

(11) *Танцует ветер в волосах.*

Метафорическое употребление глагола может здесь иметь симптоматический характер, т.е. указывать на то, что говорящий не знает другого

⁹ По мнению Д. Дэвидсона (1990: 185), сравнение и метафора различаются тем, что сравнение истинно, а метафора ложна (см. также: Levin-Steinmann 2001: 226).

способа, чтобы описать состояние волос. Это явление определяется как инопия, т.е. вынужденная метафора (Лагута 2003: 34), ср. некоторые примеры:

- (12) *мягкие краски*
- (13) *кричащий цвет*
- (14) *безвкусная одежда*

Высказывание (11) можно понять и иначе – как преднамеренное использование метафоры с целью вызвать у адресата эстетическое удовольствие. Метафора относится к числу так называемых поэтизмов, которые употребляются в составе стимулирующих речевых актов (Киклевич 2020: 19). Тем самым высказывание (11) реализует синкретический речевой акт: служит для передачи семантической информации и одновременно для эстетического воздействия на адресата.

Существуют также другие типы стимуляции адресата, когда намеренно нарушаются постулаты категории качества. Вынужденные (или иллюстративные, см.: Ohlhoff 2002) метафоры употребляются, например, в дидактике, с целью облегчения доступа обучающихся к некоторым (ранее не названным) явлениям.

Следствием употребления метафорических выражений может быть фасциативное воздействие на адресата (Fix 2001, Osthus 2002), а также убеждение. Когда любящая мать поет своему ребенку колыбельную песню, у нее нет достаточных оснований для того, что сообщать о сереньком волчке или раки-товом кустке, на котором поют птички. Ее задача состоит в «безболезненном переводе ребенка из состояния бодрствования в сон» (Мельников 1987: 19)¹⁰. Подобную функцию выполняет и гипербола. Так, приведенное Грайсом высказывание:

- (15) *Все симпатичные девушки любят моряков.*

с одной стороны, передает сообщение, а с другой стороны – благодаря употреблению обобщающего местоимения – способствует более интенсивному убеждению адресата (относительно того, что симпатичным девушкам свойственно любить моряков).

Можно констатировать, что рассмотренные Грайсом явления с функциональной точки зрения разнородны. Импликатуры, состоящие в нарушении постулатов количества, качества, релевантности и способа, не имеют прямого отношения к прагматике и являются коммуникативными в силу своей контекстной обусловленности. Что же касается следствий (т.е. импликатов), то они, как мы убедились, бывают семантическими или прагматическими. Семантические следствия заключаются в переосмыслении сообщений, а прагматические – в том, что наряду с основной иллюзией реализуется дополнительная (например, оценивающая, констатирующая, стимулирующая и т.д.) –

¹⁰ Неслучайно у Харлана Кобена есть высказывание: «Ложь – необходимый элемент воспитания».

тем самым прагматические импликации способствуют функционированию синкретических речевых актов.

Если в соответствии с принципами функциональной лингвистики импликацию понимать как функцию (Киклевич 1999: 157), которая для информации I в условиях K определяет в качестве следствия информацию I' (при этом I относится к области определения функции, а I' – к области ее значения), то с учетом факта, что информация может иметь семантический или прагматический характер, можно осуществить исчисление типов импликации (I соответствует понятию антецедента, а I' – понятию консеквента):

- I семантический антецедент > семантический консеквент
- II семантический антецедент > прагматический консеквент
- III прагматический антецедент > прагматический консеквент
- IV прагматический антецедент > семантический консеквент

Поскольку первый тип не относится к области прагматики (и к теме данной статьи), он будет оставлен без внимания, тогда как трем остальным типам будут посвящены отдельные разделы.

3. Семантический антецедент > прагматический консеквент

Исходя из обоснованной в предыдущих разделах предпосылки, что постулаты Грайса имеют семантическую (а не прагматическую) природу, рассмотрим более подробно прагматические эффекты нарушения этих постулатов. В связи с этим прежде всего следует обратить внимание на то, что Грайс оставил без внимания проблему отношений между отдельными постулатами. В действительности, эта проблема чрезвычайно важна. Существуют ситуации, когда соблюдение одного принципа связано с нарушением другого. Например, категории качества и количества могут вступать в противоречие с категорией способа: правдивое сообщение о некотором явлении или положении дел может требовать слишком сложной и трудной для понимания формы. В этих случаях предпочтение отдается категории способа. В книге Б. С. Мучника (1985: 208 и др.) есть специальный раздел «Обоснование редактором необходимости отступлений от точности в выражении авторской мысли». Автор пишет:

Во всех случаях надо добиваться ясности. Ясностью ни при каких условиях нельзя жертвовать как основной ценностью. Если для достижения ясности необходимо в чем-то отступить от точности, то на это следует идти, не теряя времени на полемику с самим собой, на взвешивание всех «за» и «против» (Мучник 1985: 222).

Нарушение постулатов категории качества, а также первого постулата категории количества в данном случае объясняется намерением говорящего облегчить адресату понимание сообщения. С прагматической импликацией мы будем иметь дело только тогда, когда это намерение будет распознано получателем.

Другое явление, связанное с нарушением постулатов категории качества, имеет отношение к категории вежливости. Именно вежливость требует избегать достоверности, когда для коммуникативных партнеров важнее позитивный эмоциональный контакт. Присутствуя на похоронах своего противника, можно обратиться к вдове одним из двух способов:

- (16) *Я всегда считал его подлецом.*
(17) *Приношу свои соболезнования. У нас с покойным были разногласия, но это был достойный оппонент.*

Из соображений вежливости более приемлемой является вторая форма обращения, несмотря на то, что она включает в себе полуправду. Подобным образом говорящий нередко избегает прямых негативных оценок (при этом часто наблюдается также нарушение второго постулата количества), ср.:

- (18) – *Плохо!* [прямая негативная оценка, соответствующая убеждению говорящего]
– *Неплохо, хотя можно было бы...* [уклончивая оценка]

С одной стороны, по утверждению А. Шютца (Schütz 1975), успешность социальной коммуникации обусловлена типизацией индивидуального опыта, с другой стороны, социологи пишут о распределении знания (Бергер, Лукман 1995: 79 и др.): познавательные тезаурусы членов культурно-языкового сообщества (иногда весьма существенно) различаются. В таких условиях говорящий иногда прибегает к нарушению постулатов категории качества с тем, чтобы достичь консенсуса с партнером (или третьим лицом), ориентируясь на чуждую себе картину мира. Это особенно характерно для акратических дискурсов, а также для языкового поведения людей, осознающих свою более низкую позицию в иерархии социальных отношений. В качестве примера такого рода коммуникативного конформизма приведу анекдот:

- (19) – *Товарищ сержант, а крокодилы летают?*
– *Кто тебе сказал такую глупость?*
– *Товарищ майор.*
– *Товарищ майор?.. Вообще-то они летают, но очень низко.*

Как видим, сержант соглашается с абсурдным утверждением, что крокодилы летают, уступая перед авторитетом майора.

Нарушение постулатов категории качества обосновано также в ситуациях, когда говорящий стремится редуцировать (в соответствии с психологической терминологией – контейнировать) чрезмерное возбуждение коммуникативного партнера. Импликация в данном случае выполняет психотерапевтическую, а именно – рекреативную функцию. Это характерно для профессиональной деятельности переговорщиков (негоциаторов), а также широко встречается в бытовых ситуациях:

- (20) *Не волнуйся, сынок, все будет хорошо, – успокаивала его мать.*
(Людмила Феррис)

Вряд ли мать имеет достаточные основания для того, чтобы утверждать, что *все будет хорошо*, однако именно такая, позитивная информация, сообщенная в лапидарной форме, необходима, чтобы успокоить сына.

Грайс (1985: 231) приводит пример имплицатуры, которая основана на нарушении постулата релевантности: намеренное отклонение от темы разговора, по его мнению, означает намек, что коммуникативный партнер «совершил социальную оплошность». Имеются, однако, и другие следствия, порождаемые данной имплицатурой. Одно из них – выражение негативного отношения к партнеру в целом¹¹, как это наблюдается в диалогах между Гаевым и Лопахиным в комедии А. П. Чехова «Вишневый сад», например:

- (21) *Лопахин. Да, время идет.*
Гаев. Кого?
Лопахин. Время, говорю, идет.

Существует богатый ассортимент прагматических эффектов, вызываемых нарушением постулатов категории способа. Один из наиболее часто встречаемых – автопрезентация говорящего, а именно – самовосхваление. Злоупотребление языковыми выражениями, заведомо непонятными коммуникативному партнеру, служит созданию позитивного имиджа говорящего, указывает на его принадлежность к элите¹². Такого рода манерный стиль (подробнее о коммуникативном маньеризме см.: Kiklewicz 2020: 227 и др.) широко представлен в коммуникации «новых русских». В качестве примера приведу фрагмент из повести Оксаны Робски «Про любовь/on»:

- (22) *Я пил кофе с радиоведущей. Она раздвигала под столом колени и говорила мне «вы».*
– Очень интересный эфир получился. Большая заинтересованность у слушателей.
Значит, будем умничать. Подошел официант. Я сделал заказ:
– Мне «Пламенеющий кракьян» с сабайоном «пинья колада» и шоколадным ганашем.
Она смотрела на меня во все глаза и стеснялась спросить, что это такое. Горячее? Алкоголь? Десерт?
Официант записал, понимающе кивая.
– Я очень люблю здесь десерты. А вы?
Она улыбнулась.
– Пожалуй.
– Могу я вам что-то рекомендовать?
– С удовольствием.
– Тогда для дамы: мильфей «Мусковадо» с муссом пралине и лесными ягодами. Вы не против?
– Нет нет. Спасибо.

¹¹ Подробнее о явлении социальной маргинализации см.: Wasilewski 2006: 334.

¹² Автопрезентации может также служить чрезмерное насыщение текста метафорами (см. Fleischer 1991: 299).

Как видим, главный герой намеренно щеголяет стилем «гламур», стремясь достичь двух эффектов: превознести свой собственный имидж (реализует акт самооценки) и вызвать у собеседницы удивление или восхищение (реализует стимулирующий речевой акт).

К непрямой коммуникации имеет отношение и категория количества. Нарушение постулатов этой категории связано с целым рядом прагматических импликаций. Укажу только на одну из них: чрезмерная информация может содержать намек на ограниченные интеллектуальные способности адресата, т.е. выступать формой оценочного речевого акта. З. Ненцкий (Nęski 2000: 128) приводит соответствующий пример:

(23) *Выключи радио.*

(24) *Подойди к плоскому предмету на полке, нажми третью кнопку слева и поверни первую ручку вправо.*

Второе высказывание может функционировать как прямая просьба, например, обращенная к ребенку (который не знает, как выключить радио), однако в разговоре со взрослым оно содержит намек на то, что собеседник медленно думает и ему все надо объяснять на пальцах.

В качестве семантического антецедента могут выступать не только нарушения постулатов, касающихся семантической репрезентативности сообщения, но и другие содержательные характеристики. Так, семантическое профилирование сообщения, т.е. употребление лексических единиц с характерной тематической окраской, способствует реализации стимулирующих речевых актов, например, эстетических. Эстетическая информация закодирована в содержании некоторых концептов, которые устойчиво ассоциируются с представлением о красивости или некрасивости (Киклевич 2020: 18). Побуждению эстетического наслаждения служат, например, многие описания природы. Неслучайно когда Аркадий Кирсанов в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» произносит:

(25) *Посмотри, [...] сухой кленовый лист оторвался и падает на землю; его движения совершенно сходны с движением бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мертвое – сходно с самым веселым и живым.*

его собеседник Базаров реагирует на реплику как на эстетический речевой акт:

(26) – *О друг мой, Аркадий Николаич! [...] Об одном прошу тебя: не говори красиво.*

4. Прагматический антецедент > прагматический консеквент

С прагматической точки зрения более интересны ситуации, в которых антецедентом импликации является речевой акт. Именно такого рода явления следует считать собственно коммуникативными (или прагматическими)

импликатурами. Прежде чем рассмотреть конкретный речевой материал, я сделаю два замечания.

Первое касается того, что разграничение семантического и прагматического фактора импликации встречает трудности. Это прежде всего касается ситуаций, интерпретация которых может иметь как семантический, так и прагматический характер. Рассмотрим в связи с этим фрагмент из романа Владимира Войновича:

- (27) *Он [Чонкин] постоял еще, помолчал и задал вопрос сразу по существу:*
– *Одна живете или с мужем?*
– *А вам зачем знать? – спросила Нюра.*
– *Из интересу, – ответил Чонкин.*
– *Одна или не одна, вас это не касается.*
Этот ответ удовлетворил Чонкина. Он означал, что Нюра живет одна.

Можно задаться вопросом, почему Чонкин сделал такой вывод. Возможно, основанием для этого было нарушение (Нюрой) первого постулата категории количества: Нюра не сообщает Чонкину необходимой информации, а именно – она скрывает информацию (о своем незамужестве), которая с социальной (идиокультурной) точки зрения является нежелательной. Можно, однако, интерпретировать поведение Нюры иначе: она уклоняется от прямого ответа. Ее отказ дать информацию о своем замужестве или незамужестве (т.е. речевой акт отказа) означает, что она избегает ответа, который содержал бы невыгодную для нее информацию.

Второе замечание касается различия косвенных и синкретических речевых актов. В первом случае мы имеем дело со своего рода прагматической полисемией, т.е. вторичным употреблением высказывания, когда значение иллокутивной функции не соответствует буквальному значению языковых форм¹³. В качестве косвенных речевых актов употребляются многие вопросительные высказывания. Например, вопросительная (по форме) реплика

- (28) *Видишь, до чего это может довести?*

с прагматической точки зрения означает оценочный речевой акт:

- (29) *Это приводит к негативным последствиям.*

Синкретические речевые акты состоят в том, что они реализуют две иллокуции: основную и дополнительную¹⁴. В отличие от косвенных речевых актов исходная иллокутивная функция остается в силе, однако к ней добавляется

¹³ В. В. Дементьев (2006: 198) пишет о таком понимании косвенных речевых актов как ширококом.

¹⁴ Импликация, по мнению Ф. С. фон Туна (von Thun 2010: 66), опирается на коррелятивное отношение между одним коммуникативным намерением и другим (или другими).

дополнительная иллокуция (Pedersen 2016: 3). Если некто в определенных условиях произносит:

(30) *Здесь холодно!*

(31) *В комнате душно.*

каждая реплика может быть понята как репрезентативный речевой акт (констатация) и – дополнительно – как просьба (закрыть или открыть окно). Импликации этого рода опираются на условно-категорические силлогизмы, содержащие в первой посылке указание на речевое действие. Это можно показать на примере высказывания (30):

Если в комнате холодно, *x* может попросить, чтобы закрыли окно.

X говорит, что в комнате холодно.

X просит, чтобы закрыли окно.

Одни консеквенции (например, рассмотренные выше примеры) имеют окказиональный, тогда как другие – конвенциональный характер (см. Дементьев 2006: 198). Так, положительная оценка достаточно регулярно выступает в ситуациях, когда говорящий намерен осуществить такие речевые акты, как рекомендация, одобрение, поддержка, а негативная оценка, напротив, указывает на намерение отклонить предложение, предостеречь и т.д. При этом оценочный речевой акт функционирует как аргументатив (т.е. как вторая посылка условно-категорического силлогизма). Например, высказывание

(32) *Незрелые яблоки невкусные.*

может быть употреблено как предостережение:

(33) *Сообщаю, что незрелые яблоки невкусные.*

> *Предупреждаю, что не стоит есть (эти) незрелые яблоки.*

В основе данной импликации лежит условно-категорический силлогизм:

Если яблоки невкусные, их нельзя рекомендовать кому-либо в пищу.

X говорит, что незрелые яблоки невкусные.

X не рекомендует употреблять в пищу незрелые яблоки.

Позитивная оценка может имплицировать похвалу, а негативная оценка – обвинение. Ф. С. фон Тун (von Thun 2010: 66) приводит немецкие примеры такого рода интерпретации сообщений о негативных чувствах говорящего:

(34) *Ich habe mich über dich geärgert.* (Я был зол на тебя.)

> *Du hast mir das angetan.* (Ты в этом виноват.)

(35) *Ich war traurig, dass du nicht gekommen bist.* (Мне было грустно, что ты не пришел.)

> *Du schuldest mir, dass ich traurig war.* (Ты виноват в том, что мне было грустно.)

5. Прагматический антецедент > семантический консеквент

Не все коммуникативные импликации имеют намеренный характер, т.е. сознательно программируются говорящим. Можно наблюдать многочисленные ситуации, в которых выводимая из сообщения дополнительная информация опирается на иллокутивную функцию речевого акта с учетом контекста (т.е. мы имеем дело с прагматическим антецедентом), при этом то, что имплицуруется, представляет собой семантическую информацию о состояниях отправителя. Эта информация генерируется получателем независимо от воли говорящего и часто вопреки его желанию¹⁵. Антецедент (речевой акт) имеет в таких ситуациях симптоматический характер:

- 1) x находится в состоянии R , что побуждает его к произнесению S
- 2) x произносит S в присутствии y -а или по адресу y -а
- 3) y узнает (от x -а), что S
- 4) y понимает (имплицурует), что R

Иными словами, речевой акт служит для получателя симптомом (например, эмоционального) состояния, в котором находится говорящий. Это явление можно проиллюстрировать на примере вопросительных высказываний. Вопросы (в частности, эпистемические, целью которых является получение семантической информации) в нормальном случае мотивированы какой-то потребностью субъекта: он хочет получить знания, которые необходимы для решения той или иной задачи. Во многих коммуникативных ситуациях получатель сообщения (тот, к кому обращаются с вопросом) отдает себе отчет в характере такого мотива. Этим объясняется отсутствие семантического согласования в структуре многих естественных диалогов типа:

- (36) *А: – Как пройти к музею?
Б: – Музей закрыт.*

Б, казалось бы, нарушает грайсовский постулат релевантности (он не дает прямого ответа на вопрос), но в действительности, это не так: собеседник имеет в виду не только формальный вопрос, но и его мотивацию, а именно – намерение *А* осмотреть экспозицию музея. Это явление по-своему обыгрывается в анекдоте:

- (37) *Собралась семья обои клеить. Жена мужу говорит:
– Сходи к соседям снизу – они ремонт недавно делали, квартира у них такая же. Спроси, сколько рулонов купали.
Он пошел, ему сказали: «Шестнадцать». Купили обои, стали клеить.
Шесть рулонов осталось. Муж злой, снова идет к ним. Говорит:*

¹⁵ В связи с этим Д. Шумска пишет: «Каждый акт речи является – независимо от воли адресанта адресат может интерпретировать сообщение неадекватно – потенциальным источником импликатуры, иными словами, каждый текст способен к порождению подтекста [...]» (Szumska 2012: 364).

– Вам что, сказать правду сложно было? У нас шесть рулонов осталось!

Ответ:

– И у нас столько же осталось...

В описанной ситуации соседи ведут себя нетипично: они воспринимают вопрос слишком буквально, оставляя без внимания его мотивировку.

Симптоматическую функцию выполняют не только отдельные речевые акты, но и более общие характеристики речевого поведения. Некоторые наиболее типичные импликации представлены в табл. 1.

Таблица 1. Семантические импликации некоторых типов речевого поведения /
Table 1. *Semantic implications of some types of verbal behavior*

Речевое поведение (симптом)	Импликация
говорящий слишком многословен	1) говорящий находится в состоянии эмоционального возбуждения, волнения 2) говорящий обманывает и хочет скрыть обман лавиной слов 3) говорящий говорлив по своей натуре, любит разговаривать 4) говорящий долгое время не разговаривал, соскучился по разговору
говорящий задает слишком много вопросов	1) у говорящего пылливый ум, он стремится всё понять, узнать 2) говорящий слишком самоуверен, у него нет комплексов 3) говорящий, наоборот, не уверен в себе, в новой для ситуации он не знает, как себя вести ¹⁶
говорящий говорит слишком мало, больше молчит	1) говорящий чувствует себя неуверенно 2) говорящий мало знает 3) говорящий что-то скрывает 4) говорящий занят чем-то другим, невнимателен ¹⁷
говорящий злоупотребляет восклицательными речевыми актами	1) говорящий возбужден 2) у говорящего эмоциональный характер 3) у говорящего нет аргументов по существу

Импликации этого рода могут быть более или менее конвенциональными. Следует констатировать, что многие коммуникативные симптомы контекстно обусловлены, окказиональны. В этом можно убедиться, если в качестве поискового выражения в интернете написать *Если жалуется, значит...* В табл. 2 приводятся некоторые из отмеченных импликаций.

¹⁶ Ср. характерный пример – поведение Зайца в сказке Сергея Козлова: попросившись в гости к Ежику, чтобы посумерничать, Заяц (который не знает, что это такое – сумерничать), задает много вопросов: «А как мы будем сумерничать?», «А можно, сумерничая, петь?», «А можно веселое?» и т.д.

¹⁷ Мать: «Билли, мы уходим через пять минут». Билли не отвечает и продолжает читать комиксы.

Таблица 2. Семантические импликации речевого акта «жалоба» /
Table 2. *Semantic implications of the speech act "complaint"*

Импликация	Иллюстрация
говорящий – слабохарактерный, инфантильный человек	Так и знай – который человек много жалуется на всё, да охает, да стонет, – грош ему цена (М. Горький, «Фома Гордеев»).
говорящий рассчитывает на сочувствие других людей	Если жалуется, значит доверяет. ¹⁸
говорящий уклоняется от решения проблем, считает, что его проблемы должны решать другие	Если жалуется, значит он избалован. ¹⁹
говорящий находится в хорошей физической кондиции, контролирует свое состояние	Моё мнение: если жалуется, значит, выздоравливает! ²⁰ Если жалуется – значит лекарство лечит! ²¹
говорящий привык жаловаться	Если жалуется, значит ему просто это нужно, он именно этого и хочет. Пусть даже не отдавая себе в этом отчета ²² .
говорящий адекватно оценивает происходящее	Человек, если жалуется, значит он прав ²³ .

В качестве симптомов могут выступать также нарушения (упомянутых во Введении) коммуникативных принципов, например, принципа вежливости или такта. Некоторые из них имеют конвенциональный, а некоторые – окказиональный характер. Когда в повести Андрея Битова «Уроки Армении» мы читаем:

(38) *Если уж очень многого ждать от встречи, то можно забыть сказать «здравствуйте».*

невежливое поведение героя можно объяснить его задумчивостью, хотя такая семантическая импликация, скорее всего, не является типичной.

6. Заключение

В данной статье были рассмотрены разные модели генерирования производной информации. Было показано, что в их основе лежат существующие в сознании носителей языка ассоциативные связи между разными видами знаний – семантического (идеационного) и прагматического (интерперсонального) характера. Анализ засвидетельствованных языковых выражений показал, что семантика и прагматика в явлениях коммуникативной импликации взаимодействуют и способны к взаимодетерминации. Идея такого диалектического взаимодействия семантики и прагматики заключена уже в статье

¹⁸ <https://otvet.mail.ru/question/84259018>

¹⁹ <https://sprashivalka.com/a/320035115>

²⁰ <https://ngs55.ru/text/health/2020/02/17/66496504/?shareRecordImage=b04ebc3200647bc8746161ec51bd9776>

²¹ <https://charter97.org/ru/news/2008/7/2/7897/comments/>

²² <https://socionik.com/thread/13938-825.html>

²³ <https://democrator.ru/petition/nezakonnoe-osuzhdenie-nesovershennoletnego/>

Грайса, а также в его более поздних публикациях (Grice 1989), однако в представленной статье она разработана более подробно с учетом всех возможных конфигураций.

Будучи, по выражению Л. А. Деминой (2009: 109), представителем «логико-коммуникативной парадигмы смысла» (т.е. аналитической философии), Грайс подчеркивал: «Коммуникативная импликатура должна быть выводимой». Эта выводимость, как было показано в статье, опирается на условно-категорический силлогизм как форму ментальной переработки информации:

Если A , то B .

A .

Следовательно, B .

Информация A является антецедентом, а информация B – консеквентом, тогда как первая посылка представляет собой фрагмент ментального (культурно или ситуативно обусловленного) тезауруса, общего для коммуникативных партнеров. В таком духе импликационные процессы интерпретируются в статье Д. Шумской:

Явление так называемого «имплицирования» вызвано законом речевой экономии и сводится к устранению формальных/поверхностных показателей тех компонентов [...] структуры высказывания, которые могут быть однозначно восстановлены адресатом при использовании компенсирующего фактора, то есть с учетом коммуникативной ситуации, контекста, общих знаний о мире (Szumska 2012: 363).

Без конвенционального (разделяемого как говорящим, так и слушающим) представления о том, что, например, основанием для рекомендации (этот речевой акт обсуждался в разделе 4) служит убеждение субъекта о положительных качествах некоторого предмета, нельзя понять, почему речевой акт оценки дополнительно интерпретируется как рекомендация. Таким образом, коммуникативные импликации, вопреки утверждению Грайса, имеют конвенциональный характер, а их отличие от семантических импликаций состоит в том, что условием реинтерпретации знака является не его понятийное содержание, а характер его употребления в речи.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Antoshina, Diana V. 2018. Using the concept of implication to denote logical-semantic relations in semantics and pragmatics. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* 1. 83–90. (In Russ.)
- Benz, Anton, Katja Jasinskaja & Fabienne Salfner. 2013. Implicature and discourse structure: An introduction. *Lingua* 132. 1–12.
- Berger, Peter & Thomas Luckmann. 1995. *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)
- Carretero, Marta & Juan Rafael Zamorano-Mansilla. 2015. Evidentiality as conversational implicature: Implications for corpus annotation. *Procedia – Social and Behavioural Sciences* 212 (2). 146–150.

- Carston, Robyn. 2002. *Thoughts and Utterance. The Pragmatics of Explicit Communication*. Malden, MA: Blackwell.
- Coste, Daniel et al. 2003. *Europejski System Opisu Kształcenia Językowego: Uczenie Się, Nauczanie, Ocenianie*. Warszawa: CODN.
- Davidson, Donald. 1990. What metaphors mean. In Nina D. Arutyunova & Marina A. Zhurinskaya (eds.), *Teoriya Metafory*, 173–193. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Davis, Wayne A. 1998. *Implicature: Intention, Convention, and Principle in the Failure of Gricean Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dębowski, Józef. 2010. *Prawda i Warunki Jej Możliwości*. Olsztyn: Instytut Filozofii.
- Dement'ev, Vadim V. 2006. *Indirect Communication*. Moskva: Gnozis. (In Russ.)
- Demina, Larisa A. 2009. Modeling communicative dialogue and revising the paradigm of meaning in the theory of speech acts. *RATSIO.ru* 1. 103–116. (In Russ.)
- Fix, Ulla. 2001. Die Ästhetisierung des Alltags – am Beispiel seiner Texte. *Zeitschrift für Germanistik. Neue Folge* XI. 36–53.
- Fleischer, Michael. 1991. *Die Semiotik des Spruches. Kulturelle Dimensionen Moderner Sprüche (An Deutschem und Polnischem Material)*. Bochum: Brockmeyer
- Gazdar, Gerald. 1979. *Pragmatics: Implicature, Presupposition and Logical Form*. New York: Academic Press.
- George, Elizabeth Jasmi & Radhika Mamidi. 2020. Conversational implicatures in English dialogue: Annotated dataset. *Procedia Computer Science* 171. 2316–2323.
- Godon, David & George Lakoff. 1985. Conversational Postulates. In Elena V. Paducheva (ed.), *New in Foreign Linguistics, XVI: Linguistic Pragmatics*, 276–302. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Grice, Herbert Paul. 1975. Logic and conversation. In Peter Cole & John L. Morgan (eds.), *Syntax and Semantics III*, 41–58. New York: Academic Press.
- Grice, Herbert Paul. 1985. Logic and conversation. In Elena V. Paducheva (ed.), *New in Foreign Linguistics. XVI: Linguistic Pragmatics*, 217–237. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Grice, Herbert Paul. 1993. *Studies in the Ways of Words*. Cambridge etc.: Harvard University Press.
- Holgraves, Thomas & Brian Kraus. 2018. Processing scalar implicatures in conversational contexts: An ERP study. *Journal of Neurolinguistics* 46. 93–108.
- Horn, Laurence R. 1972. *On the Semantic Properties of Logical Operators in English*. Ann Arbor, Michigan: University Microfilms International.
- Kiklewicz, Aleksander. 1999. *Lectures in Functional Linguistics*. Minsk: Izdatel'stvo BGU. (In Russ.)
- Kiklewicz, Aleksander. 2020. *Fenomeny Komunikacii (Normy i Dewiacje w Zachowaniach Językowych)*. Olsztyn: CBEW.
- Kiklewicz, Aleksander. 2020. The aesthetic aspect of the influence of the media (on the example of journalism and the Internet). *Filologicheskie Nauki* 6. 16–24. (In Russ.)
- Kiklewicz, Aleksander. 2011. Reguły konwersacji Grice'a: Semantyka czy pragmatyka? *Linguistica Copernicana* 2. 25–38.
- Kurcz, Ida. 2000. *Psychologia Języka i Komunikacji*. Warszawa: PWN.
- Laguta, Olga N. 2003. *Metaphorology: Theoretical Aspects. Part 1*. Novosibirsk: Novosibirskiy gos. universitet. (In Russ.)
- Lakoff, Ronny. 1973. The logic of politeness: Or, minding your p's and q's. In Claudia Corum & T. Cedric Smith-Stark (eds.), *Papers from the 9th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 292–305. Chicago: Chicago Linguistic Society.
- Leech, Geoffrey. 1983. *Principles of Pragmatics*. London: Longman.
- Levinson, Stephen C. 1985. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press
- Levinson, Stephen C. 2000. *Presumptive Meanings*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Levin-Steinmann, Anke. 2001. Razmyshleniya o vybrannykh kognitivnykh aspektakh frazeologimov. *Die Welt der Slaven* XLVI. 225–232.
- Mel'nikov, Mikhail N. 1987. *Russian Children's Folklore*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
- Muchnik, Benjamin S. 1985. *Man and Text. Fundamentals of the Culture of Writing*. Moscow: Kniga. (In Russ.)
- Nikitin, Mikhail V. 1988. *Foundations of the Linguistic Theory of Semantics*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
- Ohlhoff, Dörthe. 2002. *Das Freundliche Selbst und der Angreifende Feind. Politische Metaphern und Körperkonzepte in der Wissensvermittlung der Biologie*. www.metaphorik.de (accessed 25 November 2020).
- Osthus, Dietmar. 2002. *Metaphernspiele in Pressentexten: Ludischer Metaphereneinsatz in Französischen und Deutschen Tageszeitungen*. www.metaphorik.de (accessed 25 November 2020).
- Pedersen, Janni. 2016. Apes in conversation: The role of the human interlocutor. *Language & Communication* 50. 1–11.
- Schütz, Alfred. 1975. *Collected Papers. III: Studies in Phenomenological Philosophy*. Berlin: Springer Netherland.
- Schwitalla, Johannes. 1979. *Dialogsteuerung in Interviews: Ansätze zu einer Theorie der Dialogsteuerung mit empirischen Untersuchungen von Politiker-, Experten- und Starinterviews in Rundfunk und Fernsehen*. München: Hueber.
- Szumaska, Dorota. 2012. Implikatura: Poslednee iskushenie lingvisty. In Dorota Szumaska (ed.), *Yazyk i Metod: Russkiy Yazyk v Lingvistichekikh Issledovaniyakh XX veka I*, 361–366. Kraków: Wydawnictwo UJ.
- von Thun, Friedemann Schultz. 2010. *Miteinander reden. 1: Störungen und Klärungen. Allgemeine Psychologie der Kommunikation*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt.
- Vallejo, David Rubio. 2017. Actuality effects as conversational implicatures. *Journal of Pragmatics* 112. 44–67.
- Verbuk, Anna & Thomas Shultz. 2010. Acquisition of Relevance implicatures: A case against a Rationality-based account of conversational implicatures. *Journal of Pragmatics* 42 (8). 2297–2313.
- Vereshchagin, Yevgeny M. & Vitaly Kostomarov G. 1980. *Linguistic and Cultural Theory of the Word*. Moscow: Russkiy yazyk. (In Russ.)
- Wasilewski, Jacek. 2006. *Retoryka Dominacji*. Warszawa: Trio.

Article history:

Received: 24 May 2021

Accepted: 14 December 2021

Bionote:

Aleksander KIKLEWICZ – Professor, Doctor habil., works at the University of Warmia and Mazury in Olsztyn and at the Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Poland. He is the author of over 400 scholarly publications in the field of theory and philosophy of language, semantics, functional syntax, pragmalinguistics, psycholinguistics, communicative and comparative linguistics. Prof. Kiklewicz is Director of the Center for Eastern European Studies, editor-in-chief of the journal “Przegląd Wschodnioeuropejski”, member of Polish Linguistic Society, the Committee of Humanities of the Polish Academy of Sciences; the Olsztyn Science Forum, Societas Humboldtiana Polonorum.

Personal site: <http://pracownicy.uwm.edu.pl/aleksander.kiklewicz/>.

Contact information:

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
ul. Kurta Obitzka 1, 10-725 Olsztyn, Poland
e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl
ORCID: 0000-0002-6140-6368

Сведения об авторе:

Александр КИКЛЕВИЧ – профессор, доктор филологических наук. Работает в Варминско-Мазурском университете в Ольштыне и Естественно-гуманитарном университете в Седльцах, Польша. Является автором более 400 научных публикаций в области теории и философии языка, семантики, функционального синтаксиса, прагмалингвистики, психолингвистики, коммуникативной и сопоставительной лингвистики. Директор Центра исследований Восточной Европы. Главный редактор журнала “Przegląd Wschodnioeuropejski”. Член Польского лингвистического общества; член Комиссии гуманитарных наук Польской академии наук; член Ольштынского форума науки; член научного фонда Societas Humboldtiana Polonorum.

Персональный сайт: <http://pracownicy.uwm.edu.pl/aleksander.kiklewicz/>.

Википедия: https://pl.wikipedia.org/wiki/Aleksander_Kiklewicz

Контактная информация:

Варминско-Мазурский университет в Ольштыне
ul. Kurta Obitzka 1, 10-725 Olsztyn, Poland
e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl
ORCID: 0000-0002-6140-6368